

УДК 930.85+811.512.3

РУКОПИСЬ Й. МИЛАНА «MISSIO ASOPHIENSIS ET TAGANROKENSIS» («МИССИЯ АЗОВСКАЯ И ТАГАНРОГСКАЯ») (1700 г.) КАК МАЛОИЗУЧЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО КАЛМЫКАМ-ДЕРБЕТАМ. ЧАСТЬ 1: ИСТОРИЯ РУКОПИСИ И ЕЕ АВТОР

Бабаева Саглар Викторовна

кандидат филол. наук, старший научный сотрудник отдела языкознания
Калмыцкого научного центра РАН,
Элиста, Россия
E-mail: kundgabo@list.ru

А н н о т а ц и я

Данная статья посвящена введению в научный оборот и анализу малоизвестной латиноязычной рукописи иезуитского миссионера Йоханнеса (Яна) Милана «Missio Asophiensis et Taganrokensis» («Миссия Азовская и Таганрогская»), датируемой 1700 г. и хранящейся в Национальной университетской библиотеке Праги. Рукопись представляет собой уникальный источник по истории, этнографии и языку калмыков-дербетов начала XVIII в., поскольку содержит записи живой речи информантов из отрядов Солом-Церена и Менко-Темира, группы, остававшейся вне поля зрения путешественников, интересовавшихся калмыками преимущественно как политической единицей. В первой части исследования дано источниковедческое описание рукописи, приведены сведения об авторе и реконструированы обстоятельства создания сочинения. Кроме того, в приложении к статье будет представлен текст главы «De eorum religione et ritibus» («Об их религии и обрядах») в латинском оригинале и русском переводе, содержащей заметки миссионера о священнослужителях и ритуалах жизненного цикла. Публикация этого материала создает основу для дальнейшего анализа религиозных представлений, календарных воззрений и языковых особенностей дербетов, который будет представлен во второй части работы.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Рукопись Й. Милана, калмыки-дербеты, источниковедение, этнография, латиноязычный источник, Азов, Таганрог, XVIII век, иезуиты.

UDC 930.85+811.512.3

“MISSIO ASOPHIENSIS ET TAGANROKENSIS” (“THE AZOV AND TAGANROG MISSION”) BY J. MILAN (1700) AS AN UNKNOWN SOURCE ON THE KALMYKS-DERBETS. PART 1: HISTORY OF THE MANUSCRIPT AND ITS AUTHOR

Saglara V. Babaeva

Candidate of Philological Sciences,
Senior Research Associate, Department of Linguistics,
Kalmyk Scientific Center of the RAS,
Elista, Russia
E-mail: kundgabo@list.ru

Annotation

The paper aims to introduce into scholarly circulation and analyse a little-known Latin manuscript by the Jesuit missionary Johannes (Jan) Milan. It is entitled as “Missio Asophiensis et Taganrokensis” (“The Azov and Taganrog Mission”), dated 1700 and kept at the National Library of the Czech Republic in Prague. The manuscript represents a unique source on the history, ethnography and language of the Kalmyk-Derbets of the early 18th century, as it contains records of the colloquial phrases pronounced by informants from the horde of Solom-Tseren and Menko-Temir, a group that remained outside the purview of travelers who were interested in the Kalmyks primarily as a political entity. The first part of the study provides a source-critical description of the manuscript, presents information about the author and reconstructs the circumstances surrounding the creation of the manuscript. In addition, the appendix to the paper presents the Latin text and Russian translation of the chapter “De eorum religione et ritibus” (“On their religion and rites”), which contains the missionary’s notes on clergy and life-cycle rituals. The publication of this material lays the groundwork for a further analysis of religious beliefs, calendrical concepts, and linguistic features of the Derbets, to be presented in the second part of the study.

Key words

J. Milan’s manuscript, Kalmyks-Derbets, source studies, ethnography, Latin source, Azov, Taganrog, 18th century, Jesuits.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы обретают актуальность исследования по исторической грамматике калмыцкого языка, проводимые на основе широкого круга лексикографических источников. К их числу относятся словари на старокалмыцком «ясном письме» *тодо бичиг*, охватывающие период с конца XVIII по начало XX вв., а также различные источники исторического и этнографического характера, содержащих описание калмыцкого народа.

Авторами таких трудов нередко выступали исследователи европейского происхождения — П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер и др., знакомившиеся с калмыцким народом в ходе академических экспедиций, самые первые из которых были организованы по инициативе Петра I в 1717 г., еще до основания Российской академии наук (Материалы для истории экспедиций..., 1940: 23).

Основной корпус языковых материалов, извлеченных из трудов этих ученых, был систематизирован и опубликован в 1965 г. немецким исследователем Г. Дерфером (Doerfer, 1965). Наиболее ранние из введенных им в научный оборот калмыцких языковых материалов извлечены из книги голландского купца Н. Витсена «Северная и Восточная Татария...», изданной дважды — в 1692 и 1705 гг.

К этому же периоду относится еще один малоизвестный в российском калмыковедении источник, хранящийся в Национальной университетской библиотеке Праги и датируемый 1700 г. Его исключительная ценность обусловлена тем, что в нем зафиксирована живая калмыцкая речь начала XVIII в. и указана диалектная принадлежность информантов. Речь идет о латиноязычной рукописи иезуитского миссионера Йоханнеса (Яна) Милана «*Missio Asophiensis et Taganrokensis*» («Миссия Азовская и Таганрогская»), в которой содержатся записи живой речи информантов Й. Милана, которых автор относит к дербетам из отрядов Солом-Церена (у Милана — Selon-Semir-Chan) и Менко-Темира (у Милана — Mongo-temir-Chan).

Рукопись была впервые введена в научный оборот отечественным славистом А. В. Флоровским в 1941 г. на страницах журнала «*Archív Orientální*» (Florovskij, 1941), но до сих пор практически не выступала объектом исследования ученых, за исключением отдельных публикаций, посвященных анализу музыкальной культуры калмыков на основе записей Й. Милана (Shore, 2025; Whidden, 2024). Исходя из этого, в первой части данного исследования будет дано описание источника, приведены сведения об авторе Й. Милане и обстоятельствах создания рукописи, а в приложении к статье представлен текст главы «*De eorum religione et ritibus*» («Об их религии и обрядах») в латинском оригинале и переводе на русский язык, содержащей заметки миссионера о священнослужителях и ритуалах, исполняемых ими в случае болезни, смерти и рождения. Во второй части исследования будет проведен анализ этнографических материалов по религии (на основе указанной главы) и культуре калмыков-дербетов, а именно сведений о традиционном календаре и модели восприятия времени, а также образцов языка, выявленных в тексте рукописи.

Источниковая база. Источниковую базу исследования составляет латиноязычная рукопись иезуитского миссионера Йоханнеса (Яна) Милана «*Missio Asophiensis et Taganrokensis*» («Миссия Азовская и Таганрогская»), датируемая 1700 г. и хранящаяся

в Национальной университетской библиотеке Праги (шифр VIII.H.75 (Cim C 107)), а также в качестве дополнительного материала использованы опубликованные письма Й. Милана (Письма и донесения иезуитов... 1904), содержащие дополнительные сведения о калмыцкой истории начала XVIII в.

В качестве основного *метода* применяется комплексный источниковедческий анализ, а также сравнительно-исторический метод при сопоставлении зафиксированных Й. Миланом языковых и культурных форм с данными других источников и современными калмыцкими реалиями.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как справедливо отмечает А. В. Флоровский, «публикуемое сочинение представляет значительный интерес для исследования жизни калмыков. По времени оно принадлежит к древнейшим сообщениям о калмыках. До 1700 г. едва ли кто-либо мог так близко соприкоснуться с калмыками и произвести столь длительные наблюдения за их обычаями и нравами» (Florovskij, 1941: 163). Особую источниковедческую ценность рукописи придает тот факт, что он описывает жизнь той группы калмыков, которая не играла заметной политической роли (в отличие от торгутов, основавших на Волге Калмыцкое ханство) и потому оставалась вне круга интересов путешественников, рассматривавших калмыков как политическую единицу. Это были отряды дербетских владельцев Менко-Темира и Солом-Церена.

С лингвистической точки зрения, период второй половины XVII — начала XVIII в., на наш взгляд, исключительно важен для истории калмыцкого языка, потому что его можно рассматривать как начало сложения на Волге калмыцкого языка на основе ойратского языка или его диалектов как языка торгутов, дербетов, хошутов и джунгаров, пришедших из Сибири и Джунгарии.

Примерно ко второй половине XVII в. в степных районах Нижней Волги осели значительные массы ойратов, включавших этнические группы торгутов, дербетов, хошутов, джунгаров (элетов) и пр., которые постепенно приняли общее для всех самоназвание «калмыки». После того как они оттеснили на правый берег Волги ногайских татар, отдельные группы калмыков продвинулись дальше на запад. К концу XVII в. калмыцкие поселения возникли на Нижнем Дону, на северном и северо-восточном побережье Азовского моря, где они кочевали близ города-крепости Азов (Florovskij, 1941: 168). Эта азовская группа калмыков представляла своеобразную периферию по отношению к политическому центру Калмыцкого ханства, расположенного в степной части междуречья Дона, Волги и Урала.

В 1696 г. турецкая крепость Азов в устье Дона была занята русскими войсками. Петр I развернул активную деятельность по созданию военно-морской базы на Азовском море. Для строительства крепостей Азов и Таганрог, а также военных кораблей были сконцентрированы войска и специалисты корабельного дела, среди которых находилось много иностранцев, главным образом венецианцев. Для удовлетворения религиозных потребностей католической колонии в Азов время от времени допускались католические священники из Москвы, в число которых вошел иезуит Й. Милан. Как пишет А. Н. Андреев, «выступая под видом плебанов Оломоуцкой епархии, они на самом деле принадлежали к Обществу Иисуса Богемской провинции

и имели секретное задание расширить миссионерскую работу в России (служили в Москве до своей высылки в 1719 г.)» (Андреев, 2017: 11–12). О благожелательном отношении Петра I к иезуитам-миссионерам можно сделать вывод из письма от 14 апреля 1706 г. римского императора Иосифа I «русскому царю Петру Алексеевичу», названного также другом и братом (ср. «Нам доставляет великое удовольствие, когда мы узнаем, что ваше величество до сих пор так благосклонно относитесь к нашей императорской миссии въ городе Москве» (Письма и донесения иезуитов... 1904, 134–135).

Й. Милан, пользовавшийся, по утверждению А. Н. Андреева, большим авторитетом (Андреев, 2017: 12), в 1700 г. посетил Азов и Таганрог и здесь вступил в соприкосновение с кочевывшими в этой местности калмыками. Сам автор пишет: «Начало Миссии было положено, когда по старому стилю праздновалось Явление Святого Михаила (6 сентября. — С. Б.); я нашел здесь католиков, почти 70 человек разных национальностей: испанцев, французов, англичан, голландцев, немцев, греков-униатов с островов Архипелага, но главным образом итальянцев» (лат. *Missio datum est initium, dum stylo veteri celebraretur apparitio Sancti Michaelis; inveni hic Catholicos prope 70 diversarum nationum, Hispanos, Gallos, Anglos, Hollandos, Germanos, Graecos unitos, ex insulis Archipelagi, sed potissimam partem Italos*) (Missio Asophiensis et Taganrokensis. Л. 3). Можно предположить, что иезуит был допущен к поездкам по России, а также планировал дальнейшее путешествие в Китай, поскольку, помимо религиозной деятельности, занимался также сбором информации об инородцах, возможно, в том числе и по поручению Петра I.

Полное название рукописи Й. Милана — «*Relatio cuiusdam missionarii Austriaci catholici de itinere Asoviam et Taganrog anno 1700 facto et de moribus et institutis Tartarorum Calmucorum*» («Сообщение некоего австрийского католического миссионера о поездке в Азов и Таганрог, совершенной в 1700 году, а также о нравах и обычаях татар-калмыков»). Как уже указано выше, она хранится в Национальной университетской библиотеке Праги (шифр VIII.H.75 (Cim C 107)). Рукопись сброшюрована в твердом переплете, размеры — 21*32,5 см, 32 л., нумерация листов отсутствует, 22 рисунка, язык рукописи — латинский.

После титула «*Missio Asophiensis et Taganrokensis*» («Миссия Азовская и Таганрогская») сочинение начинается с вводной части, не выделенной в тексте и посвященной истории его поездки в Азов и Таганрог, после чего с л. 9 начинается глава, озаглавленная как «*De Tartaris Calmucis. De regione Calmucorum, adventu in minorem Tartariam, eorumque nomine*» («О татарах-калмыках. О стране калмыков, приходе их в Малую Татарию и их названии»).

Внутри она поделена на подразделы:

- 1) «*De forma moribusque eorum*» («О внешности и нравах их») — лл. 11–14;
- 2) «*De vitijs et virtutibus eorum*» («О пороках и добродетелях их») — лл. 14–17;
- 3) «*De literis eorum et scientijs*» («Об их письменах и науках») — лл. 17–20;
- 4) «*De eorum religione et ritibus*» («Об их религии и обрядах») — лл. 21–27.

Вторая глава «*De alus Tartaris. — De morduatibus*» («О прочих татарах. — О мордве») начинается с л. 28 и также поделена на подразделы:

- 1) «*Cobanenses Tartari*» («Кубанские татары») — лл. 29–30;
- 2) «*Czerkessi Tartari*» («Черкесские татары») — л. 30;

3) «Etilenses sive ut nunc vocant Jestilenses Tartari» («Етиленские или, как ныне называют, естиленские татары») — лл. 31–32;

4) «Mongalenses» («Монголы») — л. 32.

Также рукопись снабжена иллюстрациями, пронумерованными латинскими буквами и сохранившимися в хорошем качестве:

A. «Prospectus antiquae et dirutae Hordae Crimensium, Isthmum Crimensem versus» («Вид древней разрушенной Крымской орды, в сторону Крымского перешейка») (после л. 2);

C. «Miles Calmukus» («Калмыцкий воин») (после л. 12);

D. «Myrsa sive princeps Calmukorum; Nobilis aut principissa» («Мирза, или калмыцкий князь; Знатная [женщина], или княгиня») (после л. 12);

E. «Calmukus honestior» («Калмык знатного происхождения») (после л. 12);

F. «Calmuk de vulgo» («Калмык-простолюдин») (после л. 12);

E. «Calmuka honestior» («Калмычка знатного происхождения») (после л. 12);

F. «Mulier status vulgaris» («Женщина-простолюдинка») (после л. 12);

G. «Fundamenta domus» («Основа жилища») (после л. 12);

H. «Domus erecta» («Собранное жилище») (после л. 12);

I. «Domus dum migrant camelo imposita» («Жилище, которое во время перекочевки нагружается на верблюда») (после л. 12);

K. «Facies domus interior» («Внутреннее убранство жилища») (после л. 12);

L. «Alphabetum Mongolense» («Монгольский алфавит») (после л. 18);

M. «Tanguthanum Alphabetum» («Тангутский алфавит») (после л. 18);

N. «Numeri» («Числа») (после л. 19);

O. «Musica et vultus Calmukorum» («Музыка и внешность калмыков») (после л. 21);

P. «Burchan sive idolum Calmukorum» («Бурхан, или калмыцкий идол») (после л. 21);

Q. «Idolum Magni Lama» («Изображение великого Ламы») (после л. 21);

R. «Sacerdos Calmukorum» («Калмыцкий жрец») (после л. 21);

S. «Vexilla alba supra sepulchra» («Белые флаги над погребениями») (после л. 27);

T. «Preces Calmukorum» («Моления калмыков») (после л. 27);

V. «Tartari Cobaneses» («Кубанские татары») (после л. 29);

W. «Idolum Cobanesium, qui Nagaisky vocantur» («Идол кубанских татар, которых называют ногайцами») (после л. 29).

Примечательно, что автор публикации, Антоний Васильевич Флоровский, по специальности вообще был историком-славистом, вынужденным в начале 1920-х гг. покинуть родную Россию и продолжить научную деятельность за границей (Аксенова, 2009). С 1923 г. ученый обосновался в Праге и вошел в состав многих учебных, общественных, культурных, просветительных организаций, связанных с кругами русской эмиграции, в том числе Русского заграничного исторического архива, являясь председателем его ученого совета (Аксенова, 2009: 126). Как пишет Е. П. Аксенова, «в 1938 г. он подал руководству института (чехословацкий Славянский институт. — С. Б.) ... развернутую записку, в которой изложил план создания при институте рабочего центра для выявления и регистрации материалов по истории славянских народов в архивах и рукописных собраниях Чехословакии» (2009: 127).

Вполне логично предположить, что А. В. Флоровский обнаружил рукопись Й. Милана в процессе своей поисковой работы в чешских архивах, и, хотя она не соответствовала сфере его непосредственных научных интересов, он, понимая ценность данной рукописи для науки, счел необходимым ввести ее в научный оборот. К сожалению, рукопись сохранилась не полностью: отсутствует упоминаемая в тексте карта Сибири (лат. *Siberiae Tabula*), а также не сохранилась калмыцкая песня об олене с нотной записью, озаглавленная как «Алдар Шехан» (лат. *Aldar Schechan*), о которой сообщает Й. Милан.

Сведений об авторе в самой рукописи не содержится, однако уже в 1870-х гг. русский иезуит И. И. Мартынов определил ее авторство, а письма Й. Милана из Москвы, опубликованные в 1904 г., содержат прямое указание на то, что он передаст специальный отчет о поездке в Азов в 1700 г. своему начальнику ордена (Florovskij, 1941: 164).

Иоганнес Милан родился в 1662 г. в Хиршберге (по мнению некоторых исследователей — в чешском Хиршберге (соврем. город Доксы (Докси)). В 1677 г. он вступил в орден иезуитов, и уже в первые годы проявил желание работать миссионером в отдаленных странах. К 1683 г. он обладал познаниями в восточных языках: древнееврейском, коптском, эфиопском, арабском и греческом. До 1695 г. Милан работал в Богемии, Моравии и Силезии, а затем был направлен в Москву, где провел более двадцати лет (1698–1719).

В Москве у него было достаточно возможностей для контактов с Востоком: столицу часто посещали армяне, персы, турки, крымские татары. Еще более широкие возможности открылись во время поездок в разные уголки страны — на Среднюю и Нижнюю Волгу, в Казанский край, на Дон и в Приазовье, где он вступил в непосредственное соприкосновение с калмыками и ногайскими татарами. В 1700 г. Й. Милан впервые посетил Азов и Таганрог (впоследствии он был там еще дважды — в 1706 и 1711 гг.). Как упоминает сам Й. Милан в одном из писем, его мог сопровождать в этой поездке отец Квиквер, которого он просил в товарищи.

В рукописи содержатся отсылки к событиям «прошлого года» (лат. *elapso anno*), имевшим место в 1697 г., — посольство бухарского мирзы в Москву, договор между князем Борисом Голицыным и ханом Аюкой. Более поздние события — набеги калмыков на русскую территорию, конфликты Аюки с сыновьями в 1701 г. — не находят упоминания, что подтверждает датировку основного материала 1700 годом (Florovskij, 1941: 163). Примечательно, что в письмах Й. Милана нашли отражение и некоторые события истории калмыков. Ниже приведем текст его письма от 7 октября 1712 г.:

«Желанию моему пройти дальше помешали частью болезнь, частью война, которую начал Шабдиргаб, сын калмыцкого хана Аюка Темира против своего отца из-за наследства Мирзы или князя Тшимет, убитого в прошлом году кубанскими татарами. Тот и другой собрали огромное войско, но, по-видимому, большее войско будет у Шабдиргаба, так как он вызвал всех своих четырех сыновей, которые уже царьки, и носят самые любимые имена: Четер, Тессау, Дондукомбу, Яман. Изъ них первый, т. е. Четер, въ прошедшем году был со своим войском у Азова и положительно замечателен по своей благовоспитанности сравнительно с его грубою средой. Это человек с прекрасной и способной головою. Ему недостает только святой веры» (Письма и донесения иезуитов..., 1904: 207).

Здесь речь идет о кубанском походе Аюки-хана. Известно, что в начале июня 1711 г. тайша Чимет погиб в бою с кубанскими ногайцами. «Он, Чеметь, с вставшими калмыками и царицынскими казаками при реке Аксае сидел в осаде и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе остался, но и сам был убит, а голова его по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена через Крым в Константинополь» (Митиров, 1998: 111; Тепкеев, 2018: 226–233). Убийство троюродного брата хана Аюки стало катализатором для выдвижения калмыцких отрядов на Кубань. Аюка, сославшись на свой преклонный возраст, «отправил старшего сына Чакдорджаба, а с ним и внуков — Дондук-Омбо, Досанга и Бату (двое последних были старшими сыновьями Чакдорджаба). В состав командования входили зять Аюки, дербетский тайша Четер и некий племянник хана, который кочевал по Яику». Почти половину калмыцкого войска общей численностью 20 474 чел. составляли люди Чагдорджаба (9 500 чел.) (Тепкеев, 2018: 230).

В письме Й. Милан ошибочно называет лидеров войск сыновьями Чагдорджаба: из четырех только один — Тессау (вероятно, Досанг) действительно являлся его сыном: Четер — как указано выше, зять Аюки-хана и сын Менко-Темира, Дондукомбу (Дондук-Омбо) — внук Аюки-хана, сын Гунделека, т. е. племянник Чагдорджаба, последнее имя Яман в исторических источниках, посвященных этим событиям, не упоминается. Возможно, так назван Бату (старший сын, рожденный от наложницы), либо упомянутый племянник Аюки-хана, кочевавший по Яику (Митиров, 1998: 117; Тепкеев, 2018: 230). Можно также предположить, что речь идет об эркетеневском зайсанге Ямане, сыне легендарного Мазан-батыра, который, «будучи первым зайсангом при Аюке-хане, возглавлял Зарго, <...> бывал по делам ханства в Джунгарии, в Тибете у Далай-ламы, дружил с крымским ханом» (Митиров, 1998: 152). Однако сведения о том, что он принимал участие в данном походе 1711 г., нами не обнаружены. Интересно, что Й. Милан указывает на личный конфликт Чагдорджаба с отцом из-за наследства тайши Чимета. В исторической литературе, посвященной этому вопросу, об этом не упоминается.

Почти двенадцатимесячное пребывание среди калмыков и татар дало Й. Милану богатейший материал для наблюдений над бытом и культурой калмыков. Основными его информантами стали мирза (князь) Санг-и-ан (лат. *Myrsa San-gi-an*; возможно от тиб. *Sangs-rgyas*) и поп (священник) Топтараша (лат. *Popa Toptarascha*; второй компонент имени *раша* — это, вероятнее всего, искаженное санскр. *ṛṣi* ‘провидец, мудрец’, в монголизированном произношении *arši*), владевший двадцатью языками и выступивший в роли переводчика (лат. *item interpres eorum, miraculum memoriae, qui viginti linguas loquitur*) (Missio Asophiensis et Taganrokensis. Л. 7).

Й. Милан указывает, что Топтараша также имел познания в математике, которой он когда-то научился у некоего китайского священника в Барун-тала (т. е. Тибете) (лат. *quae didicerat in Baruntaala a sacrificulo Chinensi quotlam*) и встречался там с главным Ламой (возможно, речь идет о Далай-ламе), который «в новолуние является младенцем, в первой четверти — юношей, в полнолуние — мужем, в последней четверти — старцем» (лат. *qui cum novilunio infans sit, cum primo quadrante juvenis, plenilunio vir, ultimo quadrante senex*) (Missio Asophiensis et Taganrokensis. Л. 7).

Кроме того, миссионер пишет о том, что, видя расположение народа к восприятию христианского учения, подготовил перевод пособия с изложением основ веро-

учения на калмыцкий язык (с помощью переводчика), «чтобы он (Топтараша. — С. Б.) переписал его в нескольких экземплярах и распространил среди своего народа» (лат. *ille in plura describat exemplaria et in populum suum dispergat*) (Missio Asophiensis et Taganrokensis. Л. 8).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование рукописи Й. Милана «Missio Asophiensis et Taganrokensis» (1700 г.) позволяет сделать ряд выводов, касающихся ее источниковедческой значимости, этнографической ценности и вклада в изучение калмыцкой культуры начала XVIII в. Прежде всего, рукопись представляет собой уникальный источник по истории, этнографии и языку калмыков. Ее ценность обусловлена тремя основными факторами: ранней датировкой (1700 г.), что относит ее к числу самых ранних европейских описаний калмыков, фиксацией живой речи конкретной диалектной группы — дербетов из отрядов Солом-Церена и Менко-Темира, а также длительным (почти двенадцатимесечным) наблюдением автора, обеспечившим полноту и достоверность собранного материала.

Введение рукописи в научный оборот славистом А. В. Флоровским в 1941 г., несмотря на тот факт, что она не соответствовала сфере его непосредственных научных интересов, свидетельствует о понимании им ценности данного сочинения для изучения калмыцкой культуры. Источниковедческий анализ позволил реконструировать историю создания рукописи, уточнить биографию автора и обстоятельства его пребывания в Приазовье. Установлено, что Й. Милан, иезуитский миссионер, обладавший обширными лингвистическими познаниями, собирал сведения о калмыках как в ходе своей миссионерской деятельности, так и, возможно, по поручению Петра I, проявлявшего интерес к народам южных окраин России.

Структура сочинения, включающая последовательное описание внешности, нравов, письменности и религии, свидетельствует о системном подходе автора к сбору материала и его стремлении представить целостную картину культуры калмыков. Рукопись снабжена 22 иллюстрациями, представляющими собой этнографические зарисовки, что делает ее ценным изобразительным источником. К сожалению, рукопись сохранилась не полностью: отсутствует упоминаемая в тексте карта, а также не сохранилась калмыцкая песня об олене с нотной записью. Однако сохранившаяся часть содержит достаточный материал для реконструкции различных аспектов культуры дербетов начала XVIII в.

В приложении к статье впервые в отечественной историографии публикуется полный латинский текст и русский перевод главы «De eorum religione et ritibus» («Об их религии и обрядах»), содержащей уникальные сведения о религиозных представлениях и обрядах дербетов. Публикация этого материала создает основу для его дальнейшего системного анализа. Намеченные во второй части исследования задачи — анализ религиозных представлений дербетов на основе указанной главы, исследование календарных воззрений и модели восприятия времени, а также комплексный лингвистический анализ зафиксированного языкового материала — позволят существенно расширить представления об истории калмыцкого языка и особенностях народной религии калмыков на раннем этапе их пребывания на

Волге. Введение рукописи Й. Милана в активный научный оборот открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований на стыке источниковедения, этнографии, лингвистики и истории религии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

Литература

- Аксенова, Е. П. (2009). К научной библиографии А. В. Флоровского. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. М.: Институт славяноведения РАН. 121–134.
- Андреев, А. Н. (2017). Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 17.4. 6–16.
- Витсен, Н. (2010). *Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии* / пер. с голл. В. Г. Трисман. Т. 1. Амстердам: Pegasus.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов* (1940) / сост. В. Ф. Гнучева; под общей ред. акад. В. Л. Комарова. М.; Л.: АН СССР.
- Митиров, А. Г. (1998). *Ойраты-калмыки: века и поколения*. Элиста: Калм. кн. изд-во.
- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века* (1904). СПб.: Сенатская тип.
- Понарядов, В. В. (2014). Об одном забытом староойратском диалекте XVIII в. *Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики*. Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 294–296.
- Понарядов, В. В. (2016). Падежные показатели в старосибирском ойратском диалекте. *З. К. Касьяненко — учитель и монголовед*. СПб., Улан-Батор. 98–102.
- Тепкеев, В. Т. (2018). *Аюка-хан и его время*. Элиста: КалмНИЦ РАН.
- Doerfer, G. (1965). *Altere Westeuropäische Quellen Zur Kalmuckischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827)*. *Asiatische Forschungen*. B. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz.
- Florovskij, A. V. (1941). Ein Tschechischer Jesuit unter den Asowschen Kalmucken im Jahre 1700. Ein Beitrag zur Geschichte der Böhmisches Orientalistik. *Archiv Orientalní*. 12. 162–188.
- Missio Asophiensis et Taganrokensis (Relatio cuiusdam missionarii Austriaci catholici de itinere Asoviam et Taganrog anno 1700 facto et de moribus et institutis Tartarorum Calmucorum). *National Library of the Czech Republic* [электронный ресурс] // URL: https://www.europeana.eu/sv/item/92004/object_NKCR_VIII_H_75_040HK44 (дата обращения: 22.04.2026).

Shore, P. (2025). A Jesuit among the Kalmyks: An Example of Proto-Ethnography by the Society of Jesus in the Eighteenth Century. *Early Modern Overseas Careers: East-Central Europeans as Jesuit Missionaries and Dutch East India Employees* / ed. by Igor Iwo Chabrowski and Natalia Królikowska-Jedlińska. 177–198.

Whidden, L. (2024). *A Jesuit Listens to the Kalmyks: Incantation and Music in the Relatio of Jan Milan* [электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/128183372/_A_Jesuit_Listens_to_the_Kalmyks_Incantation_and_Music_in_the_Relatio_of_Jan (дата обращения: 22.04.2026).

References

Aksenova, E. P. (2009). Toward the Academic Bibliography of A. V. Florovsky. *Slavic World in the Third Millennium*. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. 121–134 (in Russian).

Andreev, A. N. (2017). The Moscow Roman Catholic Community at the End of the 17th Century: Formation, Composition, and Confessional Life. *Bulletin of South Ural State University. Ser. "Social and Humanitarian Sciences"*. 17. 4. 6–16 (in Russian).

Doerfer, G. (1965). *Altere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte* (Witsen 1692 bis Zwick 1827). *Asiatische Forschungen*. B. 18. Bonn-Wiesbaden: O. Harrassowitz (in German).

Florovskij, A. V. (1941). Ein Tschechischer Jesuit unter den Asowschen Kalmücken im Jahre 1700. Ein Beitrag zur Geschichte der Böhmisches Orientalistik. *Archiv Orientální*. 12. 162–188 (in Russian).

Letters and Reports of the Jesuits on Russia of the late 17th — early 18th Centuries (1904). St. Petersburg: Senate Printing House (in Russian).

Materials for the History of the Academy of Sciences' Expeditions in the 18th and 19th Centuries: Chronological Surveys and Description of Archival Materials (1940). Comp. by V. F. Gnucheva, ed. by V. L. Komarov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press (in Russian).

Missio Asophiensis et Taganrokensis (Relatio cuiusdam missionarii Austriaci catholici de itinere Asoviam et Taganrog anno 1700 facto et de moribus et institutis Tartarorum Calmucorum). *National Library of the Czech Republic* [электронный ресурс] // URL: https://www.europeana.eu/sv/item/92004/object_NKCR_VIII_H_75_040HK44 (дата обращения: 22.04.2026) (in Russian).

Mitirov, A. G. (1998). *Oirats-Kalmyks: Centuries and Generations*. Elista: Kalmyk State Publ. House (in Russian).

Ponaryadov, V. V. (2014). On a Forgotten Old Oirat Dialect of the 18th Century. *Current Issues in Modern Mongolian and Altaic Studies*. Elista: Kalmyk State University Press. 294–296 (in Russian).

Ponaryadov, V. V. (2016). Case Markers in the Old Siberian Oirat Dialect. *Z. K. Kasyanenko — Teacher and Mongolist*. St. Petersburg, Ulaanbaatar. 98–102 (in Russian).

Shore, P. (2025). A Jesuit among the Kalmyks: An Example of Proto-Ethnography by the Society of Jesus in the Eighteenth Century. *Early Modern Overseas Careers: East-Central Europeans as Jesuit Missionaries and Dutch East India Employees* / ed. by Igor Iwo Chabrowski and Natalia Królikowska-Jedlińska. 177–198 (in Russian).

Tepkeev, V. T. (2018). *Ayuka-Khan and His Time*. Elista: Kalmyk Scientific Center of the RAS (in Russian).

Whidden, L. (2024). *A Jesuit Listens to the Kalmyks: Incantation and Music in the Relatio of Jan Milan* [электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/128183372/_A_Jesuit_Listens_to_the_Kalmyks_Incantation_and_Music_in_the_Relatio_of_Jan (дата обращения: 22.04.2026) (in Russian).

Witsen, N. (2010). *North and East Tartary, Including the Regions Located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia*. Transl. from Dutch by V. G. Trisman. Vol. 1. Amsterdam: Pegasus (in Russian).

DE EORUM RELIGIONE ET RITIBUS

[21] *Deos agnoscunt multos, unum tamen primarium, quem vocant generali nomine Burchan, id est severum Principem; eius effigiem habet quaelibet horda; est autem statua ex ferro, cui loco oculorum apponunt duos rotundos sat largos orbiculos ex argento; item loco nasi laminam argenteam, ut ex adjecta figura videre licebit. Barbam affigunt longam ex pelle caprina tota fusco colore picta est statua, ore paululum hiantem; conservatur in cista octangulata, quae vestita est pelle, quali pro tympano utimur; intra cistam ex utraque parte suspensae sunt campanulae quatuor vel plures. Hunc Deum jam bene, jam male tractant, prout eis vel bene, vel male cedit, quod ab eo optant; vidi certe una vice miserum raptari per terram, scuticis caedi et pedibus conculcari; dum autem rursus bona fortuna redit, mire ei blandiuntur et ex suis cibis, quod est pinguisimum (hoc enim iudicant optimum), ori eius inserunt; hinc fere semper pingui et sordido ore eum invenire est. Sacrificulos suos in tres Classes dividunt. Primi et primarii vocantur Lamae, aequivalent Religiosis nostris, austeram vitam ducunt, non sunt uxorati; dum ad maiorem veniunt aetatem et senescere incipiunt, multi se ipsos occidunt, seccando ventrem, et se sacrificant. In maxima apud eos aestimatione sunt, et plus reliquis docti. Magnum Lamam, sive primum eorum Antistitem, qui in Baruntaala est, non dicunt absolute Deum Summum, sed Condeastrum dicunt, quod sit immortalis et singulis mensibus alteretur cum Luna: in novilunio est infantulus, primo quadrante juvenis, in plenissimo vir, ultimo quadrante senex. In habitu Lamae parum differunt ab alijs, nisi quod praeter vestem talarem portent togam (R) parvulam, curtam, usque ad genua, et decusatim ante pectus, ita dicendo, Rosarium in medio pectoris granum pellucidum flavi coloris majus globo ferreo trilibri. Altera Classis est eorum, qui vocantur Manschi, et aequivalent Sacerdotibus nostris (Lamae enim raro sacrificant) communiterque eorum Sacrificia peragunt, quae sic fiunt. Paratur mensa, aut cista aliqua, cui imponitur Burchán, et penes cum pellis leporina, accenduntur quatuor candelae, et apportatur a Calmucis caro et lac. Accipiebat dein Sacrificulus Burchanum ex Altari, et tenens eum in sinistro brachio, dextera manu tundeat fortiter pedes Burchani baculo curto quidem, sed solido, clamans celsa voce: Tschek! Tschek! {Tschek! Idque secunda et tertia vice, stans remotus ab ara aliquot passibus}, reponens dein Burchanum ad Altare, quatuor candelas in rectam collocabat lineam. Mox iterum cum Burchano suo recedens ab Altari, pedes eius tundeat ut ante, ad nauseam usque repetens cum clamore valido Tschek! Tschek! Tschek! quod significat tundo, tundo, tundo. Addebat deinde aliquot vicibus: Negán Mansché moroije, hoc est: aliquis Sacerdos tibi sacrificans te adorat. Reponens demum post longos clamores Burchanum super Altare ad sinistram eius collocabat pellem leporis, can/ [22] -delas autem quatuor disponebat perfecte in formam crucis, adhuc oculo capiens mensuram, si una alteri bene et accurate corresponderet, dein ex carnibus allatis scindebat quatuor partes, cuilibet candelae unam apponens, recedens dein ab altari, dicebat preces, et benedictiones, nunquam stans quiete, sed semper pedes movebat et brachia, quasi ambulans, eodem tamen loco restabat, accipiebat dein, quod erat appositum, lac, eoque carnes conspergebat, et acceptas quatuor illas partes carnum per crucem, unam orientem, alteram occidentem, tertiam meridiem, quartam septentrionem versus deportabat, rogans Burchanum, ut in omni loco illis carnum victum largiretur, aspergillo deinde lac capiens,*

illud similiter in omnes quatuor partes spargebat, rogans Burchanum, ut illis ubique bonum potum largiatur. Accipiens pellem leporinam rogabat, ut eis bonas feras mittat. Postmodum recolligens illas quatuor carniū partes ori Burchani imponebat, os eius ungens, similiter et lacte, tandem pellem leporinam in minutas scindebat particulas, easque populo distribuit; quas illi conservant pro felicitate venationum; populus dein e carnibus illis et lacte, quisque summens, domum deportabat. Tertia Classis est eorum, qui vocantur Karátón; sunt velut exorcistae, qui fugant serpentes et lupos. Facturus exorcismum stat ante Burchanum, manus retrorsum actas collo suo imponit, et motibus ad torporem [=horrorem] usque corpus concutit velut a Daemone obsessus, et continuo sonare facit campanulam cervici suae impositam, clamans nescio quid rauca voce; postea arripit bustum ligni adhuc fumigans, illudque circa caput rotans clamat: djua! djua! djua! infinitis vicibus, addens tandem: Kara magoe tschagan nochoe iabudschi, id est niger serpens et albus canis fugiat; et fugiunt illico, et omnes alios fugere faciunt, ut illi [23] dicunt; ijdem ad domum vocantur, dum aliquis dolorem, aut infirmitatem sentit, ut eam pellent; quando prope domum est, clamat: Kruch! Kruch! Kruch! negán manschí geré choíni goutschi iabudkai! hoc est: infirmitas, infirmitas, infirmitas! Sacerdos jam ambulat in cortili, domunculam intrans, infirmum prope ignem collocat, et si puella est, mater, si puer est infirmus, pater eum hinc inde movet, semper clamans: Kruch! Kruch! Kruch! Dein extenditur linteamen inter infirmum et sacrificulum, sive Charactonium, et tunc ille capite in terram prono, movendo illud ex una parte in alteram, semper in motu incipit cantare hoc modo: Kruch! Kruch! Kruch! negán eketsché ugge chalók mini neschét gore; almasch dare dschiok coben sic hoc est: Infirmitas! Infirmitas! Infirmitas! non est hic nutritius, et sic certe malum erit, si morietur (exemplum hic pono, quod audiavi ipsemet, dum mater familias esset infirma) bona mater, nemo providebit prolibus, et si moreretur certe, et malum erit certe, amici duo procul abiverunt, in veritate sic est, et sola paupercula mater hic jacet domi infirma, et suspirat. Vervex ambulat foris et quingentae oves, et quis eas curet? Parvulas oviculas occiderunt, et ubique peribunt; musculae devastant omnia. Certe sic est, abi cito, abi, abi. Dein cum prolibus suis fugit e domo, et currit circa domum tenens in manu arcum tensum apposita sagitta, velut hostem persequens, et clamat insane et minatur infirmitati; filioli et filiolae infirmæ matris familias sequebantur ad stuporem currendo et cantando: Sacerdos hic est, jam infirmitas abit, et nostra mater melius habebit. Erat hæc occasio bene dicendi de Virtute Sanctæ Crucis, sed de hoc infra. Caeterum, si vel infortunium, aut aliud accidens triste, semper vocatur Karátón ad revocandam bonam fortunam et abigendum infortunium, clamant autem quandoque simul plures; siquidem quilibet Karaton plures ministros habet, qui opificium discunt. De reliquo, quando [24] infirmi sunt, aut in aliquo periculo, faciunt etiam vota Deo suo, hic devovet equum, hic bovem, alius camelum. Animal illud oblatum voto per totum annum nemo audet conscendere, aut gravius affligere, finito anno ille, qui fecerat votum, vocat suum Manschi sive Sacerdotem, dicens ei v. g.: Hunc equum devovi Deo, nunc tibi dabo tot et tot nummos, Deo autem loco huius dabo feram, dic mihi qualem? Manschi aperit librum, et animal, quod invenit, ei assignat, v. g.: cervum, leporem, vulpem, lupum, et ita contingit saepe bonum cambium, ut optimus equus lepusculo permutetur. Vadit itaque Calmukus, videns, ut animal assignatum venatione aquirat, debet autem animal capere vivum, captum domum apportat; ubi obturant ei os, et omnia, illudque hoc modo suffocant, suffocato pellem detrahunt, illamque parti telæ involvunt, quam circumligant pertica

[=pertice], et penes domum suam collocant, ac quocunque se transferunt, secum portant, ossa a carnibus separant, et ea conservant, dein cum preces suas habent, ossa illa loco incensi cremant; similiter et sordes in animalium [=animalis] stomacho repertas, carnem et sanguinem coquunt, et facta per Manschi oblatione comedunt, caventes, ne vel mica supersit; et data sacrificulo pecunia, vel alio utili, votum impletum est. Si quis infirmatur, domum eius ducentis passibus a reliquis collocant, apponentes ei cibum et potum, singulis tamen diebus novum afferunt. De reliquo praeter Charatoni conjunctiones nullam adhibent medicinam. Quando jam advertunt, quod moiti vicinus sit, conveniunt amici, et strophijs obturant eius os, aures, nasum, ut cogatur suffocatus mori; dicunt enim, licet moriatur, quod tamen sic anima eius manet [25] intra corpus, et animal, quod deinde corpus eius devorat, devorat et animam, et tenetur pro ea Deo reddere rationem, et Deus illam animam assumit, quia eam facile invenit, animas autem eorum, qui non sic moriuntur, dicunt semper manere vagas, eo quod nemo sit, qui eos ad Burchanum deferat. Post mortem vocatur Mánshi, et consulitur, quid cum corpore faciendum? Hic aperto libro, vel dicit: ené Calmuk unotsché gal, hunc Calmukum vult habere ignis, et sic eum comburunt, dein pulveres colligunt, quos Manschi collocat in grandiori cochleari argenteo, et jactat in aerem; si pulvis alte et leviter ascendit, dicunt eius animum reversurum in mundum, si gravior apparet pulvis, dicunt non reversurum. Vel dicit Mánshi ené Calmuk unotsché uschun, hunc Calmukum vult habere aqua, atque ita eum in aquam projiciunt, ubi credunt, quod a cancris omnium animae capiantur, et deferantur ad Burchanum; hinc eis honorem habent, ut eos neque occidant, neque comedant. Vel dicit: hunc Calmukum vult habere terra, ené Calmuk unotsche Chasár, et sic eum in fossam projiciunt modica terra superposita, ut a quocunque animali facile devorari possit. Singulis autem diebus per septem dies ad eius sepulchrum apportant et defigunt album Vexillum (S), cuius rationem aliam mihi non dederunt, quam quod ita scriptum sit in eorum libris. Si moriatur parvulus, Parentes et amici cadaver fustibus et scuticis contundunt, clamantes eum ingratum, scelestum, Burchano inimicum, utpote qui tam cito mortuus sit et eos deseruerit, priusquam posset illis prodesse; cadaver ejiciunt paulo remotius extra hordas, ubi plerumque ab eorum canibus devorantur. [26] Quando preces suas habent (T), separatim conveniunt viri, separatim mulieres, viris Manschi, mulieribus eius uxor praelegit historias, quas habent de Dijs suis, dein acceptis suis rosarijs, quae vocant erkin, per centum grana quae sunt, cantant: Chonai moitmechóm, Chonai moitmechóm, potens miserere, potens miserere, semper faciendo inclinationem, quam faciunt ita: pedes firmiter conjungunt, dein manum utramque componunt, ut nos orantes solemus, et applicant fronti, atque ita paululum inclinant caput, dein extensis manibus, fronte terram feriunt, ut solent Turcae, e precibus exeuntes multas similes inclinationes faciunt soli, aut si luna est, etiam lunae; dicunt autem se illos non adorare ut Deos, sed ut Ministros Dei. Si infans nascitur, ter eum munde abluunt, ter circa suum Burchanum circumferunt, nomen petunt a Mánshi, qui libro fortuito aperto, illi nomen indit. Poenas et praemia animarum credunt eo modo, quo Poesis tradit, creduntque purgatas ad vitam reverti ad corpora aliorum (Missio Asophiensis et Taganrokensis. Л. 21–26).

‘Богов они признают многих, но одного — главного, которого называют общим именем *Burchan*, т. е. ‘суровый князь’; изображение его есть в каждой орде; это статуя из железа, вместо глаз которой вставляют два довольно больших круглых диска из серебра; также вместо носа — серебряную пластинку, как можно будет

видеть на прилагаемом рисунке. Бороду прикрепляют длинную из козьей шкуры. Вся статуя окрашена в темный цвет, с немного приоткрытым ртом; хранится она в восьмиугольном ящике, обтянутом кожей, какую мы используем для барабана; внутри ящика с обеих сторон подвешены четыре или более колокольчика. Они относятся к этому богу то хорошо, то плохо, в зависимости от того, что они от него желают получить взамен хорошо или плохо; я видел, как однажды несчастного [идола] таскали по земле, били плетью и топтали ногами; когда же удача возвращается, они удивительным образом льстят ему и кладут ему в рот часть своей самой жирной пищи (потому что они считают ее лучшей). Поэтому его почти всегда можно застать с жирным и грязным ртом. Жрецов своих они разделяют на три разряда.

Первые и главные называются *ламами*, соответствуют нашим монахам, ведут аскетичный образ жизни, не женятся; когда они достигают преклонного возраста и начинают стареть, многие кончают жизнь самоубийством, вспарывая себе живот и принося себя в жертву. Они пользуются у них величайшим уважением и более учены, чем остальные. Великого Ламу, т. е. первого их первосвященника, который находится в Барунтале, они называют не абсолютным Верховным Богом, но говорят, что это *Condeastrum*, который бессмертен и ежемесячно изменяется вместе с луной: в новолуние он — младенец, в первой четверти — юноша, в полнолуние — муж, в последней четверти — старец. В одеянии *ламы* мало отличаются от прочих, разве что поверх они носят короткую тогу до колен и крестообразно на груди — четки с прозрачной желтой бусиной посередине, крупнее трехфунтового железного шара.

Второй разряд — те, кто называются *маниши* и соответствуют нашим жрецам (ибо ламы редко совершают жертвоприношения); они обычно совершают их жертвоприношения, которые происходят следующим образом: приготавливается стол или какой-нибудь сундук, на который помещается *Бурхан*, а рядом с ним — заячья шкурка; зажигаются четыре свечи, и калмыки приносят мясо и молоко. Затем жрец снимал *Бурхана* с алтаря и, держа его в левой руке, правой рукой сильно бил по ногам *Бурхана* короткой, но крепкой палкой, громко вскрикивая: «*Tschek! Tschek! Tschek!*», и повторял это во второй и третий раз, стоя в нескольких шагах от алтаря. После этого, ставя *Бурхана* обратно на алтарь, расставлял четыре свечи в прямую линию. Вскоре после этого он снова отходил от алтаря со своим *Бурханом* и бил его по ногам, как прежде, повторяя до тошноты с сильным криком: «*Tschek! Tschek! Tschek!*», что означает: ‘Бью, бью, бью’. Затем добавлял несколько раз: «*Negán Mansché moroije*», т. е. ‘Некий священник поклоняется тебе, принося жертву’. Наконец, после долгих криков, снова поместив *Бурхана* на алтарь, он клал заячью шкурку слева от себя, а четыре свечи расставлял точно в форме креста, на глаз выверяя, хорошо ли и точно ли одна соответствует другой; затем от принесенного мяса отрезал четыре части, подкладывая по одной к каждой свече. Затем отходил от алтаря, читая молитвы и благословения, никогда не стоя на месте, а постоянно двигая ногами и руками, словно идя, однако оставаясь на том же месте. После он брал принесенное молоко, кропил им мясо и, взяв те четыре части мяса, относил их крестообразно: одну — на восток, другую — на запад, третью — на юг, четвертую — на север, прося *Бурхана*, чтобы он даровал им пропитание мясом во всяком месте. Затем, взяв молоко в сосуде для окропления, также разбрызгивал его на все четыре стороны, прося *Бурхана*, чтобы он даровал им повсюду доброе питье. Взяв заячью

шкурку, он просил, чтобы он послал им хорошую дичь. После этого, собрав те четыре части мяса, прикладывал их ко рту *Бурхана*, помазывая его уста, так же и молоком; наконец, разрезал заячью шкурку на мелкие кусочки и раздавал их народу; те хранят их для удачи на охоте; затем народ, каждый взяв из того мяса и молока, относил домой.

Третий разряд — те, кто называются *каратоны*; они подобны заклинателям, которые отгоняют змей и волков. Он встает перед *Бурханом*, заводит руки назад, кладет их на шею и движениями, доводящими до оцепенения, сотрясает тело, словно одержимый демоном, и трясет телом, пока не впадет в оцепенение, словно одержимый демоном, и тут же заставляет зазвенеть колокольчик на шее, выкрикивая что-то хриплым голосом. Затем он хватает дымящуюся головешку и, вращая ее вокруг головы, бесчисленное количество раз кричит: «*Djua! djua! djua!*» и в конце добавляет: «*Kara magoe tschagan nochoe jabudschi*», т. е. ‘Черный змей и белая собака, убирайтесь’; и они тотчас убегают, и заставляют убежать всех других, как они говорят. Их же зовут в дом, когда кто-то болеет или чувствует недомогание, чтобы они отогнали ее. Когда он приближается к дому, кричит: «*Kruch! Kruch! Kruch! Negán manschí geré choíni goutschi iabudkai!*» — это значит: ‘Болезнь, болезнь, болезнь! Священник уже идет по двору’. Войдя в домик, он усаживает больного у огня, и если больна девочка — мать, а если болен мальчик — отец перекачивает его с боку на бок, постоянно причитая: «*Kruch! Kruch! Kruch!*». Затем натягивается полотно между больным и жрецом, или *каратоном*, и тогда тот, опустив голову к земле, двигает ею из стороны в сторону не переставая и начинает петь следующим образом: «*Kruch! Kruch! Kruch! Negán eketsché ugge chalók mini neschét gore; almasch dare dschiok coben*», т. е. ‘Болезнь! Болезнь! Болезнь! Нет здесь кормильца, и будет очень плохо, если она умрет (здесь я привожу пример, который сам слышал, когда больна была мать семейства). Добрая мать, никто не позаботится о детях, и если она умрет, будет очень плохо. Два друга уехали далеко, воистину так, и одна бедная мать лежит здесь дома больная и вздыхает. Баран гуляет снаружи, у него пятьсот овец, и кто о них позаботится? Маленьких овечек поубивали, и все они погибнут повсюду; мыши все уничтожают. Воистину так, уйди прочь скорее, уйди, уйди’. Затем с детьми своими выбегает из дома и бежит вокруг дома, держа в руке натянутый лук со стрелой, словно преследуя врага, и безумно кричит и угрожает болезни. Сыновья и дочери больной матери семейства с изумлением бежали следом, распевая: «Вот священник, болезнь уже уходит, и нашей матери станет лучше». Был здесь повод сказать о силе Святого Креста, но об этом ниже.

Впрочем, если случится несчастье или иное печальное происшествие, всегда зовут *каратона*, чтобы вернуть добрую удачу и отогнать несчастье; кричат же они иногда и по несколько человек одновременно, ибо каждый *каратон* имеет много помощников, которые обучаются этому ремеслу. Что касается остального, когда они больны или находятся в опасности, они также дают обеты своему Богу: один обещает коня, другой — быка, третий — верблюда. То животное, которое обещано по обету, в течение целого года никто не смеет седлать или отягощать тяжелой работой; по окончании года тот, кто дал обет, зовет своего *маниши*, или жреца, говоря ему, например: «Этого коня я обещал Богу; теперь я дам тебе столько-то и столько-то монет, а Богу вместо этого я дам дикого зверя; скажи мне, какого?». *Маниши* открывает книгу и назначает ему то животное, которое находит, например, оленя, зайца, лису,

волка, и таким образом часто случается выгодный обмен, что отличнейший конь обменивается на маленького зайца. Итак, калмык отправляется, смотрит, как добыть назначенное животное на охоте; он должен, однако, поймать животное живым. Добычу он приносит домой; здесь животному затыкают рот и все остальное и таким образом душат, затем снимают шкуру, заворачивают ее в кусок ткани, привязывают к шесту и помещают возле своего дома, и куда бы они ни переселялись, везут ее с собой. Кости отделяют от мяса и хранят их; затем, когда читают свои молитвы, сжигают эти кости вместо ладана. Так же и скверну, найденную в желудке животного, готовят и, совершив через *маниши* подношение, съедают, остерегаясь, чтобы не осталось ни крошки; и после того, как жрецу даны деньги или иная полезная вещь, обет считается исполненным.

Если кто-нибудь заболевает, его жилище располагают в двухстах шагах от остальных, оставляя ему еду и питье, но принося каждый день свежее. В остальном, кроме обращений к *каратону*, они не применяют никаких лекарств. Когда они уже замечают, что [человек] близок к смерти, собираются друзья и повязками затыкают ему рот, уши, нос, чтобы он умер от удушья, ибо они говорят, что хотя он и умирает, но таким образом его душа остается внутри тела, и животное, которое затем пожирает его тело, пожирает и душу, и должно будет дать за нее ответ Богу, а Бог принимает ту душу, потому что легко находит ее. Души же тех, кто умирает не так, говорят они, всегда остаются скитающимися, потому что нет никого, кто привел бы их к Бурхану. После смерти зовут *маниши* и советуются с ним, что делать с телом. Тот, раскрыв книгу, либо говорит: «*Ené Calmuk unotsché gal*» ('этого калмыка хочет огонь'), и тогда его сжигают, затем собирают пепел, который *маниши* помещает в большую серебряную ложку и развеивает в воздухе. Если пепел поднимается высоко и легко, говорят, что его душа вернется в мир; если же пепел кажется тяжелым, говорят, что не вернется. Или же *маниши* говорит: «*Ené Calmuk unotsché uschun*» ('этого калмыка хочет вода'), и тогда его бросают в воду, где, как они верят, раки забирают души и доставляют их к Бурхану; отсюда у них к [ракам] почтение, так что они их не убивают и не едят. Или говорит: «*Ené Calmuk unotsche Chasár*» ('Этого калмыка хочет земля'), и тогда его бросают в яму, присыпав сверху небольшим количеством земли, чтобы его легко могло съесть любое животное. Каждый день в течение семи дней к его могиле приносят и водружают белое знамя, иного объяснения чему они мне не дали, кроме того, что так написано в их книгах.

Если умирает маленький ребенок, родители и друзья колотят его тело дубинами и плетями, крича, что он неблагодарный, нечестивый, враг Бурхана, так как умер так быстро и покинул их, прежде чем мог бы принести им пользу. Тело они выбрасывают немного поодаль, за пределы орд, где его, как правило, пожирают собаки.

Когда у них бывают молитвы, мужчины собираются отдельно, женщины отдельно, мужчинам *маниши*, женщинам — его жена, читают вслух истории о своих богах. Затем, взяв свои четки, которые они называют *эркин*, со ста бусинами, они поют: «*Chonai moitmechóm, Chonai moitmechóm*», т. е. 'Всемогущий, помилуй, всемогущий, помилуй', и постоянно делают поклоны следующим образом: они плотно соединяют ноги, затем складывают обе руки так, как мы обычно молимся, и прикладывают их ко лбу, и так слегка наклоняют голову, затем, вытянув руки, касаются лбом земли, как обычно делают турки. Заканчивая молитвы, они совершают много

подобных поклонов солнцу, или, если есть луна, также луне; но они говорят, что поклоняются им не как богам, а как служителям Бога. Когда рождается младенец, его трижды омывают чистой водой, трижды обносят вокруг своего Бурхана, просят имя у *маниш*, который, раскрыв книгу наугад, дает ему имя. В наказания и награды душ они верят так, как говорится в Учении, передаваемом в стихотворном виде, и верят, что очищенные [души] возвращаются к жизни в тела других [существ]’.